

3. Гаспаров М.Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1988. – С. 57 – 71.
4. Левин Ю.А. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. – Л., 1966. – С. 38 – 46.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970. – 251 с.
6. Шпитцер Л.К. Словесное искусство и наука о языке // Проблемы литературной формы. – Л., 1928. – С. 156 – 177.
7. Peter S. Beagle. The Last Unicorn. – Souvenir Press. Guernsey, UK, 2002. – 103 p.
8. Peter S. Beagle. Das letzte Einhorn. (Aus dem Amerikanischen übertragen von Jürgen Schweier.) – Klett-Cotta, 2004. – 271 S.
9. Питер С. Бигль. Последний единорог (перевод Ю. Соколова). – Рига: Объединение ЛК, 1991. – 248 с.
10. Питер С. Бигль. Последний единорог (перевод М. Немцова, 1989) // <http://lib.ru/BEAGLE/unicorn.txt>
11. Соловьев С.В. Цвет, число и русская словесность // Знание – сила, 1978. – №1. – С. 32 – 39.
12. Веселовский А.Н. Из истории эпитета // Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 14 – 39.

Пономарёва А.В.

ПРОБЛЕМА МНОГОЯЗЫЧИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Актуальность исследования языковой ситуации в условиях города обусловлена тем, что на сегодняшний день в мире практически не существует ни одной страны с эндогlossной (т.е. одноязычной) языковой ситуацией. Согласно данным, представленным в книге «Социоллингвистика и социология языка» [1;41], в мире существует около 6 одноязычных государств (т.е. около 4% от общего количества существующих на сегодняшний момент стран), 22 двуязычных государства (14%), в остальных государствах население говорит на 3–4 и более языках. Даже в странах с официальным одноязычием (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Португалия, Нидерланды) наблюдается ситуация экзогlossии (т.е. многоязычия), которая проявляется в оппозиции государственного языка (соответственно – английского, французского, немецкого, итальянского и др.) к языкам этнических меньшинств.

Причём к тем этническим группам, которые испокон веку населяли территории соответствующих государств (индейцы в США; валлийцы, шотландцы и ирландцы в Великобритании), вследствие легальной и нелегальной миграции добавились новые. Так, в США приблизительно 30 млн. используют в повседневном общении испанский язык, арабскоязычная часть населения во Франции составляет около 5 млн. человек. Подобная ситуация наблюдается и в Германии, где сегодня проживает 7,3 миллиона человек, не являющихся по происхождению немцами, что составляет девять процентов от общей численности населения [2]. Согласно статистическим данным [3], в Рурской области 42.9% общего количества иммигрантов являются турецкоязычными.

Большие языки современности сохраняются в диаспоре и в сочетании с другими в многоязычии при наличии компактных этнических групп. В своём труде «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» В.В. Иванов приводит данные обследования языков Лос-Анджелеса [4;118]: «Всего в городе говорят примерно на 224 языках (т. е. почти все языки мира, на которых говорят в США, представлены здесь хотя бы одним или несколькими говорящими или большими группами населения). Наиболее распространены и используются в средствах массовой коммуникации (на специальных каналах и станциях телевидения и радио) 11 языков, из которых 5 входят в число 10 самых распространенных языков мира (китайский–байхуа, испанский, английский, русский, японский), а 3 других (корейский, вьетнамский, китайский кантонский) входят во вторую десятку самых распространенных языков мира. На материале этого одного города можно составить статистически правдоподобную картину, отчасти воспроизводящую соотношения в мире в целом и сходную с динамикой развития в некоторых других частях Америки».

Политика «плавильного котла» (англ. melting pot), которую проводили в США в XIX и в начале XX столетия, и которая считалась образцом жестокой культурно-языковой ассимиляции, уже давно уступила место политике учитывания языковых и культурных потребностей различных этнических групп. Теперь они имеют право на собственные средства массовой информации, создание культурных и образовательных учреждений и т.п. [2]

Так, согласно В.В. Иванову [4], Лос-Анджелес обладает большим числом учебных заведений, дающих образование, в том числе и языковое, разных уровней. Около 91 языка (несколько меньше половины всех языков города) преподаются в школах – общественных, церковных, частных.

Важнейшей специфической чертой городского населения является **билингвизм**, так как в распоряжении каждого горожанина есть две или несколько языковых систем, взаимообусловленных разными социальными коллективами (городские социальные диалекты), к которым этот житель принадлежит [5].

Х. Бусман [6; 124] определяет билингвизм (двуязычие) как «попеременное использование двух языков в процессе общения (...alternativer Gebrauch zweier Sprachen in der Kommunikation)». Здесь не указывается степень владения языками: просто подразумевается, что практика пользования языками по очереди уже предполагает самую возможность их использования для коммуникации. Сходное определение дает В.Ю. Розенцвейг: "Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения" [7, с. 9–10].

Одним из первых лингвистов, исследовавших проблему распределения двух языков по кварталам и по социальному признаку, был Джошуа Фишман (Joshua Fishman). Вместе со своими сотрудниками он провёл

масштабное исследование билингвального языкового поведения многочисленно представленной в Нью-Йорке группы пуэрториканцев. Результаты исследования показали, что родной язык пуэрториканцев – испанский – используется прежде всего в процессе неофициального общения в кругу семьи и друзей. В официальных же ситуациях преобладает английский язык.

Полиэтничность, порождающая многоязычие, становится существенным признаком современного общества, создавая условия для диалога языков и культур. Языковой контакт происходит прежде всего в сознании мультилингва, которого известный французский лингвист Ж. Мартине назвал «полем боя разных языковых типов и лингвистических навыков, конфликтующих между собой, и постоянным источником языковой интерференции». Безусловно, метафора, которую использовал А. Мартине, не обладает универсальным значением. Современная практика двуязычия и многоязычия свидетельствует о мирном сосуществовании и распределении функций различных языков, как в сознании конкретного языкового носителя, так и целого языкового коллектива. Попеременная активизация того или иного языка в коммуникационных целях в определённых сферах общения порождает семантическую интерференцию языков на основе постоянного (сознательного или бессознательного) сопоставления зафиксированных в ней концептуальных картин мира. Результатом подобной интерференции может быть взаимосближение и отождествление концептуальных картин в языковом сознании мультилингва [2].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что языковое разнообразие города двояко: оно выражается во взаимодействии разноязычных коллективов (многоязычие города), а также в многообразии языковых навыков каждой группы, объединённой каким-нибудь одним наречием, т. е. в двудиалектности и многодиалектности горожан.

Лингвистическое изучение больших городов – в самых начатках. Однако и теперь уже видны основные процессы: таяние мелких и небогатых культурой языковых групп, расширение билингвизма, увеличение категории полиглотов. Содержание лингвистической истории большого города – в борьбе языков, отражающей непрестанное столкновение и скрещение в нём разнородных культур.

Источники и литература

1. Бахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», из-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. – 336с.
2. Чередниченко О. Багатомовність і концептуальна картина світу // Українознавство, 2002. – № 3(4), <http://www.rius.kiev.ua/journal/3/cherednychenko>
3. RVR–Statistik–News: Ausländeranteil im Ruhrgebiet steigt // IDR (Informationsdienst, Ruhr), <http://www.idruhr.de/>
4. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М., 2004. – 208 с.
5. Т.И. Ерофеева Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века // Изменяющийся языковой мир: Доклады Междунар. науч. конф. –Пермь, 2002., <http://language.psu.ru/>
6. Lexikon der Sprachwissenschaft / hrsg. von Hadumod BuBmann. – 3., akt.–. tualisierte und erw. Aufl. – Stuttgart: Kröner, 2002. – 783 S.
7. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. – Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 5–24.

Рыжикова М.Д.

КОРРЕЛЯЦИЯ СЕМАНТИКИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И АТРИБУТИВНЫХ ГРУПП В РЕАЛИЯХ–АМЕРИКАНИЗМАХ

Определительные структуры в целом можно назвать самыми распространенными в предложении.

Цель исследование – определение, какое существительное могут выступать в качестве атрибута.

Материалом исследования послужили 2056 реалий–американизмов, представленных в словаре Г. Д. Томашина [1] и образованных по структуре атрибутивных групп.

Имя существительное как центр синтаксической структуры сигнализирует о типе синтаксических отношений, возникающих между ним и его подчиненными элементами. Этот тип отношений всегда идентифицируется как атрибутивный, а зависимые элементы рассматриваются как определения к существительному [2, с. 39].

В данном исследовании рассматриваются реалии–американизмы, состоящие из двух компонентов с именем существительным в качестве ядра.

Такие грамматисты, как Р. А. Клоуз [3] и Резник Р. В. [4] в своих грамматиках не выделяют атрибутивные структурные модели.

М. И. Макова [5] в своей диссертации выделяет следующие структурные модели, расположенные в порядке убывания их частотности: существительное + существительное (N+N); существительное + предлог + существительное (N+preposition+N); прилагательное + существительное (A+N); причастие настоящего времени + существительное (Ving+N); причастие прошедшего времени + существительное (Ven+N); существительное в притяжательном падеже + существительное (N's+N); существительное + наречие (N+Adv); существительное + причастие прошедшего времени (N+Ven); существительное + прилагательное (N+A); числительное + существительное (Num+N).